

О некоторых аспектах современного кризиса национальных языков КБР

В статье предпринята попытка общего осмысления современной ситуации, связанной с кризисом кабардинского и балкарского языков КБР. Автор акцентирует внимание на таких аспектах, как функционирование национальных языков в городе и селе, соотношение родных языков и семьи, проявление общественных инициатив, направленных на сохранение и развитие национальных языков КБР, касается основных проблем общественно-политической ситуации, истории языка в контексте национальных культур, основных проблем современной языковой политики, которая во многом продолжает прежние тенденции, в том числе, деструктивные. Определенное место в статье занимает анализ современного феномена билингвизма, значение языка в системе языковой картины мира (ЯКМ).

Ключевые слова: национальные языки, билингвизм, поликультурализм, классификация ЮНЕСКО, языковая политика, история языка, языковая картина мира, коммуникативная функция, философия языка.

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН.

360015, г. Нальчик, Пушкина 18.

тел. 8 905 436 11 17

e-mail: dinaarma@mail.ru

On some aspects of the current crisis national languages KBR

The article attempts to make a general analysis of the current situation related to the crisis of the Kabardian and Balkar languages of the CBD. The author focuses on such aspects as the functioning of national languages in the city and village, the correlation of native languages and families, the manifestation of public initiatives aimed at preserving and developing the national languages of the CBD, concerns the main problems of the socio-political situation, the history of the language in the context of national cultures, the main problems of modern language policy, which largely continues the previous trends, including, destructive. A definite place in the article is occupied by the analysis of the modern phenomenon of bilingualism, the significance of language

in the system of the language picture of the world (JKM).

Key words: national languages, bilingualism, multiculturalism, UNESCO classification, language policy, language history, language picture of the world, communicative function, language philosophy.

Hakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Sector of the IGI KBSC RAS.

360015, Nalchik, Pushkin 18.

Tel. 8 905 436 11 17

e-mail: dinaarma@mail.ru

Современная ситуация. В советский период в Кабардино-Балкарской Республике постепенно сформировалась ситуация билингвизма в рамках двух титульных наций — кабардинской и балкарской, соответственно, билингвизм определяется сочетанием языков двух титульных наций с русским: русско-кабардинского и русско-балкарского. Реальное содержание двуязычия в первую очередь отражает лингвокультурные и психологические ценности и ориентиры его носителя, а затем оно само влияет на них. Исходя из современной ситуации двуязычия, билингвизм — это результат межкультурного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации иной или родственной языковой культуры.

Поскольку современный язык является составной частью любой национальной культуры, вписанной в условия глобализации, соответственно, «бикультурализм и билингвизм — весьма широко распространенные явления. Они встречаются на всех уровнях этнического и социального развития; более того, в той или иной степени своего проявления они неизбежны в зоне любой этнической границы, в рамках контакта двух разных языков и этносов... Билингвизм должен рассматриваться в более широких рамках общего явления бикультурализма, возникающего в ходе процессов этнической ассимиляции,

аккультурации, консолидации или сближения, и тесно взаимосвязан с другими, внеязыковыми формами проявления того же феномена» [1]. При этом С.А. Арутюнов отмечает, что «широкий, охватывающий более двух языков и культур полилингвизм и поликультурализм – явление редкое, присущее чаще всего городским обществам мозаичного этнического состава» [там же].

По мнению И. Хугаева, «явление двуязычия или многоязычия как результат языковых контактов, языкового взаимодействия, языковой интерференции и конвергенции неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи; но на современном этапе истории оно становится важнейшим геополитическим, социальным и культурным обстоятельством и актуальнейшей научной проблемой» [2].

В настоящее время в мире насчитывается более десяти тысяч языков и диалектов, однако «около двух третей населения нашей планеты говорит на двадцати семи языках, и динамика распространения данного феномена в условиях глобализационных тенденций продолжает нарастать.

Естественно, что в наибольших масштабах билингвизм свойствен контингентам и областям с высокой степенью международной интеграции и многонациональным государствам (РФ, США, Индия, Швейцария и др.); в них сложилась теория языковых контактов, изучающая внутрilingвистические аспекты языкового взаимодействия, и теория билингвизма-полилингвизма, исследующая его функциональные особенности».

С точки зрения коммуникативно-функционального качества правомерно фиксируются «три уровня билингвизма: рецептивный (понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), репродуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно производить прочитанное и услышанное) и продуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно производить или «строить целые осмысленные высказывания» [3].

Профессиональные лингвисты оценивают общую современную языковую

ситуацию в КБР как неоднородную: «Хотя принят закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики», юридически закрепивший три государственных языка (кабардинский, балкарский, русский), сферы функционирования этих языков внутри республики различны, неодинаков их статус, а также социальная и коммуникативная база их применения. По широте использования выделяется русский язык, выполняющий также интегрирующую и консолидирующую функции» [4]. Русский – государственный язык Российской Федерации, исторически сложившийся как язык межнационального общения во всех регионах страны, этим объясняется его доминирование. Наряду с этим современная ситуация характеризуется возрождением национального самосознания и ростом интереса к родному языку. Появляется потребность в использовании резервов языка для обозначения новых понятий, явлений, считают авторы. Генезис любой национальной литературы, взятый в языковом аспекте, неотделим от вопросов происхождения, формирования и специфики ее билингвизма и транслингвизма.

В настоящее время в КБР переживается глубокий кризис, связанный с состоянием национальных языков – кабардинского и балкарского. По представлению Б.Х. Бгажнокова, языковой кризис непосредственно связан с кризисом этническим, поэтому эти явления следует рассматривать в совокупности и комплексно подходить к их решению [5].

Подобная локальная ситуация отражает соответствующую общую тенденцию на Северном Кавказе и России в целом. Северокавказские языки объявлены ЮНЕСКО исчезающими (вымирающими). «После исследования северокавказских языков эксперты ЮНЕСКО признали вымирающими адыгейский язык, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и ещё ряд языков, носители которых проживают на Кавказе» [6].

Но если исчезают национальные языки, можно ли с учетом этого обстоятельства серьезно обсуждать какие бы то ни было проблемы по

соответствующим национальным литературам?

Между тем в республике созданы определенные условия по сохранению и развитию родных языков. В частности, к числу базовых структур, направленных на осуществление этой задачи, следует отнести диссертационные советы. Несмотря на их работу, а также существование кафедр национальных языков и литератур не было ни одной защиты на кабардинском или балкарском, в том числе, посвященных проблемам этих языков. В КБР эта реальная возможность до сих пор никогда не использовалась, (в отличие от Адыгеи, например). Существует красноречивая динамика сокращения мест для абитуриентов КБГУ по специальности «Кабардинский язык и литература»: 75 мест в 1970-80 годах, 38 мест – за 2012 – 2013 годы. Та же ситуация характерна и для абитуриентов по специальности «Балкарский язык и литература».

Последние наблюдения могли бы внушить оптимистические прогнозы в отношении родных языков, учитывая, что все чаще слышна кабардинская и балкарская речь. Однако это явление – прямое следствие усилившейся урбанизации, следствием которой является небывалый приток сельской молодежи в город, что в первую очередь связано с учебой в средних и высших учебных заведениях города, а также с отсутствием рабочих мест в селах.

Кажется, родной язык жив до тех пор, пока существуют анклавов – села. Однако так ли неопровержима эта установка? На самом деле в анклавах находит распространение лишь бытовой язык, но не литературный. В результате общественного форума (март 2014 г.) с участием научной, творческой интеллигенции были подведены неутешительные выводы: в республике отмечен глубокий *кризис литературного языка*. Например, в Союзе Писателей КБР самым молодым членом является 40-летний поэт. Ежегодный республиканский конкурс по литературному творчеству на кабардинском языке не выявил ни одного прозаика за декабрь 2012 года.

Без литературного любой язык обречен на деградацию. Это означает, что на данном этапе невозможно говорить о полноценном функционировании

кабардинского и балкарского языков даже в селах. Большинство молодых людей от 17 до 30 лет не читают, не слушают радио на родных языках, не посещают национальных театров. Современная молодежь, как известно, находит информацию преимущественно в компьютерах и гаджетах, которая транслируется в основном на русском языке. В городе отмечается незнание или плохое знание родного языка и удовлетворительное знание русского, в селах — знание родного языка на уровне бытового и в целом неудовлетворительное знание русского. Таким образом, для города и села потребуется разная методика обучения: в селах — с усиленным изучением русского языка, в городе — с усиленным изучением родного.

Обозначенные нами деструктивные тенденции со временем лишь усугубляются.

Язык и семья. ЮНЕСКО (Курьер ЮНЕСКО. Август 1983) предлагает классификацию «групп риска», которая отражает три состояния языковой ситуации в семье, когда родной язык расценивается:

1. «под угрозой исчезновения»; к этой группе относятся семьи, в которых дети не изучают язык в домашних условиях в качестве родного языка;

2. во вторую группу входят семьи, в которых дедушки, бабушки говорят на языке, родители детей понимают язык, но не общаются на нем между собой и со своими детьми. Это критерий нахождения языка «в серьезной опасности»;

3. «к третьей группе относятся семьи, в которых носителями языка являются только представители старшего поколения. Это критерий состояния языка «на грани исчезновения».

В республике тесно сосуществуют группы риска всех трех категорий. В общественном сознании укоренено представление о ведущей роли семьи в сохранении языка. Однако в настоящее время вряд ли можно говорить о городской семье, которая может обеспечить должный уровень языковой практики: среди горожан очень невелик процент полноценных носителей родного языка, и эта ситуация стремительно усугубляется. Каким же образом в городской семье, в которой нет полноценных носителей родного языка, может

осуществляться обучение родному языку? Причиной такой драматической картины служат объективные закономерности, которые сами являются результатом несостоятельной языковой системы и языковой политики.

Разумеется, мы не склонны снимать ответственность с семьи, которая может значительно изменить частную языковую ситуацию. Но насколько значима доля участия родителей, слабо знающих родной язык, которые отдают маленького ребенка в русскоязычную среду детского сада, школы (не считая трех часов родного языка в неделю)? Вряд ли можно серьезно рассчитывать на достаточное знание родного языка, погружая ребенка в русскоязычную среду всех форм СМИ, включая интернет, в условиях отсутствия школьного выпускного экзамена, родных языков в системе делопроизводства и т.д. и т.п. Ситуация оказывается еще более тяжелой, если работают оба родителя и возможность общаться с ребенком предоставляется только вечером. Семья в какой-то степени влияет на языковую ситуацию, но не может определять ее в целом.

Семья — социальная структура, которая наиболее чутко реагирует на особенности функционирования этой системы, общей и языковой политики (как ее важной части), но никак не наоборот. Это подтверждается общей картиной объективно усиливающейся языковой деградации, жертвами которой стали и продолжают становиться преимущественно поколения горожан. В результате несостоятельной языковой политики в городе почти не осталось носителей родных языков; и дело вовсе не в отсутствии «патриотизма» городских жителей, — довод, который приводится некоторыми представителями властных структур и который якобы может объяснить причину общего нивелирования родных языков.

Даже при наличии объективных социальных опросов и разработок по этой проблеме могут возникнуть сложности в отношении их репрезентативности, так как большая часть городской молодежи выезжает за пределы республики, пополняя растущий поток внутренней миграции. Как правило, наши мигранты не возвращаются: они становятся частью

русскоязычного населения России или иноязычными гражданами в зависимости от соответствующей страны проживания.

Распространенное мнение, в основе которого лежит представление о семье как основном объекте, отвечающем за сохранение языка, подменяет объективную картину, снимает ответственность с государства.

Общественные инициативы последних лет. Ведущие лингвисты-кавказеды определяют 25 – 50 лет существованию национальных языков. Хорошо понимая драматизм ситуации, представителями общественности КБР был предпринят целый комплекс мер: проведено несколько круглых столов по прояснению, оптимизации «Закона об образовании» и «Закона о языках». Было внесено около 80 поправок. Но во втором и третьем чтении представители Парламента КБР оставили «Закон об образовании» практически без изменений: снова было принято изучение родного языка как предмета 2 – 3 часа в неделю. В ответ на это было добровольно собрано более трех с половиной тысяч подписей.

Однако широкое общественное движение, связанное с необходимостью языковой реформы, не оказало никакого реального воздействия: был подписан новый «Закон о языках», который предполагает примерно тот же несостоятельный вариант, который длился 50 лет. При формальном «содействии» в принятии решений по «Закону о языках» общественные инициативы на самом деле не были учтены.

Из истории. В нашем новом, изменившемся мире современная языковая политика берет свое начало из глубины веков. После окончания Русско-Кавказской войны уже на ранних этапах реформирования системы образования в прогрессивных кругах царило представление о необходимости билингвального образования для адыгских и русских детей. В предисловии известного труда «История адыгейского народа», который был закончен за год до смерти автора, выдающегося адыгского просветителя Шоры Ногмова (1796 – 1844), он призывал к созданию народной (не элитарно-сословной) школы, с преподаванием на двух языках: русском и адыгском. Кавказские просветители

были уверены в том, что горские дети должны обучаться на родном языке и, по возможности, вместе с русскими детьми. Эту идею поддерживал наместник Кавказа М.С. Воронцов: «делом первой важности края является непременно и безусловное обучение всех русских учащихся, по крайней мере, одному из туземных языков» [7].

Следует отметить, что подобная прогрессивная позиция и сегодня имеет своих сторонников. Бывший председатель правительства КБР А.В. Ярин (с 2006-по 2009 гг., с октября 2016 года - Начальник Управления Президента России по внутренней политике), считая необходимым знать государственные региональные языки, активно изучал кабардинский и балкарский.

Однако в соответствии с колониальной идейно-политической стратегией, одним из главных принципов которой являлась русификация, начался кризис национальных языков. Уже в 1775 году Екатерине II было направлено «Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде, с изложением его мнения о политике по освоению этого края» [8], в котором были широко освещены вопросы о методах кавказской политики царского правительства. Этот глубоко продуманный документ предусматривал комплексную ассимиляцию через христианизацию, смешанные браки, совместные поселения кавказцев и казаков, казачью колонизацию, развитие торговли. Наряду с этим предусматривалась ассимиляция через устройство школ, с тем, чтобы детей «склонять ко обучению российской грамоте».

Подобные методы практиковались на всех этапах. Достаточно вспомнить, например, известную полемику кабардинского просветителя Кази Атажукина против насильственной русификаторской политики Маркова в начале XX века. Другой видный адыгский просветитель С. Сиюхов на протяжении всей жизни был вынужден отстаивать права на изучение родного языка. Безошибочно определив политическую тенденцию, классик кабардинской литературы Али Шогенцуков восклицал, отстаивая элементарные права на знание родного языка: «Даже птицы имеют свой язык!»

Политика развитого социализма периода 60-80 годов XX столетия никак

не способствовала сохранению и развитию этнического элемента во всей своей совокупности: на фоне подъема общего жизненного уровня советская модернизация, урбанизация и ассимиляция достаточно стремительно стирали признаки национальной идентичности, в первую очередь, языковые. Первый секретарь Обкома Партии КБАССР Т.К. Мальбахов публично признавался: «Я занимаюсь статистикой, сколько... смешанных браков в Кабардино-Балкарии. Уже счет на две тысячи, счет продолжается, и браки продолжают. Так что счет, видимо, не остановится. Это свидетельство того, что кончились национальные и религиозные предрассудки. Надо всем этим пережиткам положить конец» [9]. Необходимо отметить, что не только качества лидера и высокий профессиональный уровень открывали путь во власть, но и проявление лояльности по отношению к официальной политической идеологии, - этот принцип соблюдался на всех этапах развития Российской и Советской империй. При этом важно подчеркнуть, что при самом разнообразном веере политических и властных риторик, «ядро» их неизменно содержало классический имперский комплекс во всей своей совокупности.

Позднее, освободясь от поста первого секретаря, Тимбора Кубатиевич с тревогой и горечью писал о родном языке: «Если мы сами не будем чтить свой собственный язык, свой собственный народ, а его национальность сейчас выражается только языком и словом, зачем нам говорить тогда о национальном искусстве, о национальной культуре, зачем издавать столько национальной литературы? Для кого?.. Тогда давайте преобразуем Кабардино-Балкарскую АССР в Нальчикскую область...» [10].

В 1961 года волевым решением Н.С. Хрущевым был подписан закон по реформированию программы обучения родным языкам. В то время, учитывая наличие естественной языковой среды, никто не выдвигал альтернативного, щадящего метода обучения русскому языку. По сути, это была тотальная принудительная реформа, связанная с переходом обучения кабардинских и балкарских детей начальной школы на русский язык. С тех пор школьники

изучали кабардинский и балкарский языки как предмет, вместо того, чтобы изучать школьные предметы на родных языках хотя бы до 5 класса по прежней, оправдавшей себя методике.

Представляется весьма странным, что акции по сохранению и развитию родных языков на разных уровнях сопровождаются риторикой, связанной с порицанием «радикальных мер», «принуждения» к изучению родных языков. Это удивляет тем более, что объективная историческая картина носит прямо противоположный характер для всех российских национальных регионов и республик. В связи с этим показательным является выступление А. Хузангай «Восстановить культурно-исторический контекст» на круглом столе «Национальные культуры и межнациональные отношения», организованном журналом «Вопросы литературы»: «Наследие, которое мы сейчас имеем в Чувашии, то, что было осмыслено чувашским литературоведением,— это, конечно, наследие в его усеченном, деформированном виде, и потому так важно думать о «реставрации прошлого» и тех «языков культуры», которые мы утратили. Может быть, эти утраты уже невозможны, хотя и не хочется быть пессимистом» [11].

В своем выступлении со знаковым названием «Национальная культура нуждается в защите» С. Абдулло коснулся идеи единого общего языка, которая одно время владела умонастроениями гуманитарной интеллигенции. В связи с этим выдвигалась идея «слияния культур и... ассимиляции народов. Не случайно, по-видимому, возникла и идея «всеобщего языка». Согласно распространенному мнению, языки исчезнут, и человечество в конце концов придет к одному, единому для всех языку...» [12]. Время доказало утопический характер этой идеи, но она в свое время являлась культовой и для передовых представителей адыгской интеллигенции, например, по некоторым сведениям, языком эсперанто владел классик кабардинской литературы А.А. Шогенцуков. С. Абдулло, артикулируя проблему возникновения аномальных культурных связей, связанных с элементами насильственной политики, пишет: «Между историей, культурой и природой

существуют глубинные причинно-следственные связи. Когда нарушается диалектика этих связей, то происходят аномалии в развитии любой национальной культуры, непереносимым условием естественного, нормального развития которой является отсутствие диктата, нажима, силовых методов в управлении, искусственных преград» [там же].

Некоторые общественно-политические тенденции. В наши дни министр культуры «Владимир Мединский призвал пренебречь региональными языками в пользу русского» [13]. Ранее, в июле 2011 года президентским указом он был введён в состав правления фонда «Русский мир», занятого популяризацией русского языка и культуры, а также поддержкой программ изучения русского языка в других странах.

Примерно в то же время Председатель комитета гос. Думы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев неожиданно опубликовал статью «Русский как родной» [14], чем немало обескуражил граждан надуманностью этой идеи: в пределах РФ все независимо от национальной принадлежности и так хорошо знают русский язык. Тем не менее, в основе статьи лежал тезис, который позволял русский язык признавать родным для представителей нерусских национальностей. Так, башкир или якут могут по желанию обозначить русский как свой родной язык. При всей абсурдности заявления депутата его идея в то время казалась безобидной, особенно на фоне долгого медленного угасания национальных языков РФ... Ведь в результате соответствующей управляемой языковой политики доведенные порой до крайней деградации родные языки оказываются тяжелыми для усвоения собственными носителями. Тем более, если речь идет о будущих абитуриентах, которым нужен высокий балл в аттестате. И услужливо поданная «гуманная» идея оказывается весьма кстати.

Концепции Мединского и Сафаралиева оказались «пробным камнем» в воплощении далеко идущей политической стратегии.

В конце прошлого года (27. 11. 2017) предложение Сафаралиева столь же

неожиданно продолжил директор Института этнологии и антропологии, главный фигурант, призванный защищать интересы народов самой многонациональной страны мира. Валерий Александрович Тишков писал, что существует острая необходимость в «политическом языке нации», поэтому совершенно естественно, если родным языком избирается не этнический, а русский, который и есть «язык политической нации» [15]. Мы коснемся лишь последней фразы статьи, которая маркирует общую идею, – она не оставляет никаких сомнений в отношении конечной цели высокой директивы и снимает необходимость ссылаться на политический язык нации: *«Полный переход на русский язык и забывание этнического языка — это жизненная реальность и результат, как правило, личностного выбора, который следует признавать и не трактовать негативно, ибо если есть право на сохранение языка, то должно быть и право на его забывание и на языковой переход».*

Даже нам, представителям филологических наук, хорошо известно, что «забывание этнического языка» никогда не было результатом «добровольного», «личного выбора», – это всегда только жестко детерминированная необходимость, которая имеет место в колониальном пространстве империй с авторитарно-тоталитарным типом правления. Полное недоумение вызывает софизм: «если есть право на сохранение языка, то должно быть и право на его забывание и на языковой переход». Стоит ли доказывать, что забвение не только русского, но любого другого родного языка – большая национальная трагедия, народный апокалипсис, болезненный для всех представителей народа. Большинство он переживается больше на подсознательном уровне, но более ясно осознается пассионариями и национальными лидерами, которые особенно остро чувствуют личную и общественную ответственность перед тысячелетиями формирования и становления народной истории, ее героических периодов, перед памятью бесчисленных предков, проливавших за нее кровь и отдававших жизни, за сохранение своих языков и уникальных древних культур.

Национальный кризис особенно тяжел для северокавказских народов, поскольку он переживается про себя, без аффектации. В контексте понимания

интроверсии кавказцев (особенно черкесов) как общей этической нормы предлагаемая риторика и сам языковой курс кажутся особенно циничными.

Наконец, почти параллельно заявлению Тишкова президент РФ В.В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-оле высказался против практики принудительного обучения неродным языкам, – принцип, который выглядел вполне демократично. Высказывание было незамедлительно спущено во все регионы как руководство к действию. Его хорошо ощутили и в КБР.

Что же все это означает в реальности? Допустим, башкир выбирает русский как родной. В этом случае, используя предшествующие установки Г. Сафаралиева, В. Тишкова и прочих, язык матери проходит уже как неродной, и башкирский школьник имеет полное право добровольно отказаться от изучения «неродного» башкирского.

Таким образом, мы не можем не признать наличие удивительно продуманной политической конструкции, которая претворяется неуклонно и последовательно.

На очередной декабрьской пресс-конференции 2017 года в своем выступлении В.В. Путин сказал: «У нас огромное разнообразие национальных языков, это наша гордость и наше богатство... Я хочу подчеркнуть... мы ничего не будем навязывать в этой сфере. Это вредно и опасно для единства Российской Федерации, потому что любой народ должен выбрать сам такую форму сосуществования с другими народами России, которую он считает наиболее приемлемой и оптимальной. Никаких государственных планов по укрупнению и слиянию нет и быть не может. Во всяком случае, пока я президент, этого не будет» [16]. Мы полностью разделяем это мнение. Однако накануне новых президентских выборов в самой многонациональной стране трудно было предложить курс языковой политики более непопулярный, чем реально предложенный. Кем и почему он был разработан и лоббирован – для нас подобные вопросы остаются, разумеется, гипотетическими. Но совершенно ясно одно: новый языковой курс идет вразрез не только интересам всех наций и

народов РФ, но и самого Президента.

Безусловно, в период культурного кризиса и общей затяжной стагнации следует отметить деструктивные моменты в функционировании современного русского языка, которые кажутся закономерными в контексте общей ситуации. «Новый период «искажения и уродования» языка, характеризующийся двумя мощными атакующими волнами: заимствованиями и активизацией собственной лексики сниженного регистра, – начался еще до распада СССР. Последние два десятилетия XX века выплеснули на страницы газет и книг сленг и мат. Языковой показатель русской литературы в постсоветское время стал одним из первых новых приемов, сыгравших одновременно положительную (привлек молодого читателя) и отрицательную роль (оттолкнул читателей со стажем)... «Новый язык» органично перешел с улицы в литературу... Сегодня в русской культуре сливаются два разнонаправленных процесса: усвоение и адаптация западного мышления и в то же время – переоценка созданного под влиянием этого мышления и стремление очиститься от навязчивого культурного материала» [17]. Между тем, речь идет лишь об особенностях текущего момента языкового функционирования, угроза утраты языка не может стоять перед 120-миллионным русским населением России с его абсолютным приоритетом использования, который звучит на пространстве 1/6 части Земли. Мы вынуждены согласиться с представителями Татарстана, которые считают проблему надуманной.

Таким образом, и в наши дни мы сталкиваемся с элементами прежней колониаторской языковой политики, которая в большей или меньшей степени являлась частью общего политического курса с начала экспансии Северного Кавказа. К сожалению, уязвимость и хрупкость родного языка становится для современников очевидной именно в связи с этой тяжелой формой зависимости от не оправдавшей себя политики метрополии, которая, реализуясь в подобном режиме, ведет страну к неминуемому концу.

Примерно так же не оправдала себя американская теория «плавильного котла». И ныне американцы – потомки иммигрантов из Европы стремятся узнать свою этническую или национальную принадлежность. У народов России противоположная ситуация по сравнению с американской: они проживают на исторической родине. Потребность в культурной, значит, этнической самоидентификации является врожденной, экзистенциальной, каждому необходимо знать свои корни, помнить национальные традиции, культуру, язык.

Прогнозы. Мы не можем не задаваться вопросами о судьбе языков и этносов вообще, проецируя их на широкий онтологический аспект: может быть, это естественный процесс постепенного нивелирования языков, шире – любого этноса, и не стоит продлевать естественно угасающую жизнь древней нации, пришедшей к своему естественному завершению? Размышляя над этой проблемой, мы задали вопрос зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии С.А. Арутюнову: «Можно ли применить цивилизационную модель О. Шпенглера к этносу? Существует ли закон естественного умирания этносов, который также эволюционно детерминирован, как закон умирания цивилизаций?» С.А. Арутюнов сравнил этнос со змеей, которая регулярно меняет собственную кожу: старая кожа – образ цивилизации, а бессмертная змея – образ этноса.

Лучшие представители мировой литературы посвящали самые взволнованные строки родному языку. Не случайно его красоту и величие наряду с классиками русской литературы – А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, воспевали Кайсын Кулиев (в частности, поэме «Гимн материнскому языку»), Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Давид Кугультинов и многие, многие другие, – все известные поэты современности. «Язык – душа народа», – повторяется как рефрен во все времена в каждом народе поэтами, крупными прогрессивными деятелями и простыми людьми.

М. Хайдеггер определял язык как «дом бытия» [18].

Наряду с серьезной угрозой деградации национальных языков мы

сталкиваемся с необходимостью введения новых терминов во всех областях знаний, общественных сферах, искусстве и литературе. «Коренные изменения в нашем обществе порождают невиданные до сих пор социо- и демо-лингвистические перемены, исключительно активно влияющие на языковую ситуацию. Стремительность изменений в перестроечный и последующие периоды обусловила необходимость использования заимствованной терминологии: бизнес, дивиденд, транш, инвестор и другие» [19].

Таким образом, объективные закономерности повлияли на формирование крайностей другого рода – языкового пуризма. Между тем «развитие и обогащение кабардинского языка идет в значительной степени под влиянием русского языка. И это считается нормальным явлением. В некоторых языках количество заимствований достигает до 80% всей лексики (английский, русский, турецкий, персидский)» [там же].

Явлений языкового пуризма касался В. Белинский, анализируя понятие «прогресс». Ересью или расколом в ортодоксии родного языка называли заимствования: «Некоторые из старых писателей, не любя современной русской литературы (потому что она их далеко обошла) прикрываются пуризмом и твердят беспрестанно, что в наше время прекрасный русский язык всячески искажается и уродуется, особенно введением в него иностранных слов... Если бы употребление в русском языке иностранных слов и было злом, – оно зло необходимое, корень которого глубоко лежит в реформе Петра Великого, познакомившей нас со множеством до того совершенно чуждых нам понятий, для выражения которых у нас не было своих слов» [20].

Язык осуществляет не только вербальную и коммуникативную функции. Это – уникальный образ мыслей, чувств, неповторимое видение мира, философия, фольклор. Наряду с героической античной, индоевропейской мифологиями, кавказская может быть отнесена по определению У. Б. Далгат к «развитым, рационалистическим, глубоко философским» [21].

Мировые культуры можно условно разделить на два типа: *1-й тип*, когда философия как таковая вычленяется из общекультурного контекста, превращаясь в ту или иную философскую концепцию, в этом случае она, как правило, результат индивидуальной творческой мысли. Иногда она легитимизируется, принимается на уровне коллективного сознания (как правило, элитарного) и становится частью национальной культуры. К 1-му типу относятся, например, античная греческая философия, немецкая классическая, индийская философии и др.

2-й тип: философия остается вплетенной в ткань народного культурного контекста. И тогда носителем метафизического или философского начала становятся мифология, фольклор и пр. Философия, растворенная в устной народной традиции, артикулируется через язык и носит сугубо народный характер. К таким культурам относится философия народов Кавказа, в частности адыгов.

Однако такая синкретическая философия остается заключенной не только в фольклоре, но и в собственно языке. Достаточно часто этимология выводит нас на метафорическое осмысление, а метафора в свою очередь являет собой философский символ или часть метафизического представления. Подвергая слова этимологической редукции, мы приходим к первоначальному смыслу, и его семантика оказывается, как правило, сакральной. В языке заложены основы философии, религии и других культурных концептов в их нерасторжимом единстве.

В настоящее время филологи говорят о принципиальной непереводаемости стихов (особенно их) с одного языка на другой, так как это – неповторимый ассоциативный художественный ряд. Стихи – производные языка, которые проистекают из особой, самостийной *языковой картины мира* (ЯКМ). Она является многофункциональной системой межкультурного взаимодействия, вписанной в контекст глобализации. Языковая принадлежность – не простое механическое носительство, а уникальная, присущая лишь данному этносу языковая картина мира, которая может существовать только у

носителей данного языка.

Кажется закономерным, что языковая полифония и множество народов – отражение универсального закона эволюции, основой которого является многообразие. Последнее – залог выживания и стабильности человечества в целом, а национальный тип сознания – неоценимый дар эволюции, сформированный тысячелетиями.

Сегодня представители научной и творческой интеллигенции, общественные деятели северокавказских республик сталкиваются с неким идеологическим парадоксом: имея полноценное конституционное право знать родной язык, мы не можем реализовать его в действительности. Кажется, все очевидно: долгий эксперимент оказался несостоятельным, он не дает адекватного знания родных языков, мы оказались перед реальной угрозой их полного исчезновения. Следствием этого «эксперимента» явятся окончательный упадок национального языка, литературы, культуры в целом, наконец, национальной идентичности, а позже – упразднение статуса государственной национальной республики.

Если еще недавно бездействие можно было объяснить непониманием, недомыслием, то сейчас официальный статус ЮНЕСКО в отношении языков, многочисленные общественные инициативы совершенно прояснили ситуацию. Ныне можно уже говорить о том, что проблема лежит не в сфере ее осознания, не в юридической плоскости, а в некой анонимной политической воле, игнорирующей необходимость знания родных языков.

Между тем существует, языковая политика является важной частью общей политики государства. Можно привести множество примеров, когда с помощью верной языковой политики государства и твердой политической воли удалось восстановить почти исчезнувший язык. На Гавайских островах в 80-х годах XX века родной язык знали около 800 человек, но благодаря правительственной программе численность носителей языка ныне возросла до 10 тысяч человек. Этот тезис хорошо иллюстрируется и на примере языковой политики Израиля. После возникновения государства в мае 1948 года иврит был

практически мертвым языком. Но сильная политическая воля способствовала мобилизации всех имеющихся ресурсов, – были изданы учебники, тщательно разработаны методы освоения языка на всех уровнях. Постепенно мертвый, сложный язык возродился, в настоящее время им владеет все население Израиля. Иврит считался «усопшим» 18 столетий, ныне он «воскрес из мертвых» благодаря подлинному единению воли народа и правительства.

Говоря о непосредственной тесной связи национальной культуры с родным языком, В.И. Абаев подчеркивал: «Эта зависимость становится еще более очевидной ввиду того, что язык есть идеология народа, и он не в последнюю очередь ценен и дорог своей этнодемаркационной функцией» [22].

Филологам советской школы повезло принадлежать к поколениям, которые сформировались в атмосфере значительного влияния классической русской литературы и неформального изучения русского языка. Мы хорошо понимаем необходимость глубокого всестороннего изучения русского языка и литературы. Ведь доступ к любому виду международной информации, мировой литературе открыт через русский язык. На русском языке осуществляется процесс образования в вузах РФ. Мы поставлены в объективные условия, которые обрекают нас на необходимость знания русского и родного языков. «Обрекают» в хорошем смысле: ведь билингвы — это не только люди, свободно владеющие двумя языками, они имеют ключи в миры уникальных, богатых культур, к которым можно приобщиться только через глубокое знание соответствующих языков.

Национальные языки и культуры народов России – сокровищница, заключающая в себе огромный духовный потенциал, еще нераскрытый и по достоинству не оцененный.

Литература

1. *Арутюнов С.А.* «Силуэты этничности на цивилизационном фоне». М., 2012. С. 203.
2. *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. С. 28.
3. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М., 1969. С. 134.
4. *Таов Х.Т., Таова А.Х.* Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы международной научно-практической конференции 27 – 28 мая 2009. Махачкала, 2009. С. 410.
5. *Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А.* Кризис национальных языков России. //Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста, республика Калмыкия, РФ. 10-16 мая 1999 г. С. 101-109.
6. <http://www.stav.aif.ru/>
7. <http://cheloveknauka.com/bilingvizm-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty#ixzz4i09VmgnR>
8. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVI/Russ_Kab_otn_2/201-220/220.htm
9. aheku.net›Библиотека›Русский›Этнография 1960-1980 гг.
10. *Тимбора Мальбахов.* Он сам. Знаменитые блокноты. Нальчик, 2004. С. 98.
11. *Хузангай А.* Восстановить культурно-исторический контекст. Круглый стол «Национальные культуры и межнациональные отношения» // Вопросы Лит. М., 1989. №10. С. 3.
12. *Абдулло С.* «Национальная культура нуждается в защите» : «Круглый стол»: национальные культуры и межнациональные отношения // Вопросы Лит. М., 1989, №10. С. 27.
13. rusmonitor.com›[medinskijj...regionalnymi-yazykami-v](http://rusmonitor.com/medinskijj...regionalnymi-yazykami-v).
14. <https://interaffairs.ru/news/show/14442>.

15. <https://iz.ru/673152/valerii-tishkov/iazyk-politicheskoi-natcii>.

16. kremlin.ru/d/56378

17. *Калита И.В.* «Дело о новом реализме». // Вопросы литературы. М., 2015. Ноябрь-декабрь. С. 139.

18. filosofiya.odn.org.ua/74.htm.

19. *Таов Х.Т., Таова А.Х.* Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы международной научно-практической конференции 27 – 28 мая 2009. Махачкала, 2009. С. 412.

20. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. О классиках русской литературы. Минск. Наука и техника, 1976. 424-425

21. *Далгат У.Б.* Литература и фольклор. М., 1981. С. 77.

22. *Абаев В.И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. // Избранные труды: в 4 т. Владикавказ, 1995. Т.2. Общее и сравнительное языкознание. С. 18.